

АКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Культурологи время от времени подсчитывают все возрастающее число определений культуры. Достаточно велико и количество дефиниций археологической культуры. В интерпретации археологической культуры ряд исследователей соотносят ее с представлениями о культуре, почерпнутыми из работ культурологов.

На необходимость использовать концепции культуры для исследований археологов указывает В. С. Бочкарев. Трактую вслед за Э. С. Маркаряном культуру как специфическую функцию общественной жизни людей, В. С. Бочкарев полагает, что подобное представление поможет решению проблемы выбора в археологическом анализе, начиная от установления значимых свойств, кончая открытием культур¹. Авторы сборника «Типы в культуре» (Л. С. Клейн, Г. С. Лебедев, А. В. Виноградов) считают аксиоматичной культурологическую направленность интерпретации археологического материала². По мнению В. М. Массона, чтобы анализировать выборку некогда реально существующей культуры общества первобытных или докапиталистических эпох в ее предметно-продуктивном аспекте, необходимо использовать культурологические концепции. Ученый считает наиболее плодотворными в этом отношении идеи В. Е. Давидовича и Ю. А. Жданова, Н. С. Злобина, Э. С. Маркаряна³. Ю. Н. Захарук сопоставляет археологическую культуру как определенную совокупность следов и остатков деятельности обществ прошлого с понятиями культуры, взятыми из работ Э. С. Маркаряна и М. С. Кагана⁴.

Есть и другие точки зрения. Так, в работах В. Ф. Генинга 80-х гг. появилось утверждение, что культурологическое объяснение в археологии — это ее вчерашний день. Автор считает, что для современного социоархеологического периода развития науки неправомерны «многочисленные идеи поиска социокультурных законов, попытки объяснить социальные процессы, а скорее даже обосновать, культурными и т. п. Такая постановка в корне противоречит марксистскому материалистическому пониманию исторического процесса и его ядру — учению об общественно-экономических формациях»⁵. Таким образом, возможность снятия проблемной ситуации в археологии путем культурологического подхода требует теоретических доказательств.

Археологи знакомы с различными культурологическими концепциями, но опробовать «работу» какой-либо из них на археологическом материале от начала исследования, т. е. от выделения существенных свойств археологических объектов, до вы-

деления археологических культур обществ прошлого и реконструкции на этом основании истории этих обществ, еще никто из археологов не пробовал. Дело ограничивается либо констатацией факта опоры на какую-либо культурологическую схему, либо использованием из концепций отдельных положений, определений, терминов. Необходимо понять причину подобного явления. Думается, что причин, по крайней мере, две. Первая связана с тем, что специалист-археолог прежде всего пытается разобраться в сложностях своей науки, которая, как и вся современная отечественная наука, находится в состоянии проблемной ситуации. Сопоставление и анализ имеющихся многочисленных точек зрения по проблемам культуры требуют большой специальной затраты времени. К тому же культурологические концепции не содержат прямого выхода на операциональный уровень археологических источников. Вторая причина заключается в отсутствии таких теоретических проработок в археологии, которые позволили бы специфически археологические понятия «существенный признак», «тип», «археологическая культура» корректно соотнести с понятиями, объясняющими явления живой актуальной культуры. На существенные различия функционирующих культур и ископаемых остатков культур прошлого вполне справедливо и неоднократно указывал Ю. Н. Захарук⁶.

Мы не ставим задачи анализировать и оценивать каждую из имеющихся культурологических схем. Этому посвящены разделы специальных работ⁷. В качестве исходной установки возьмем представление о том, что каждая научно аргументированная точка зрения имеет право на существование, в каждой может содержаться рациональное зерно. Обращение к культурологическим концепциям отечественных исследователей позволяет сделать следующие выводы.

Большинство концепций культуры последних десятилетий строится на основе принципов системности, историзма, деятельности и на признании того, что культура пронизывает все сферы жизнедеятельности⁸. Последний тезис наиболее отчетливо выглядит в таких определениях культуры, где она в конечном итоге отождествляется с обществом⁹.

Выявляя специфику культуры, исследователи видят ее в определенной самостоятельности ряда явлений по отношению к социально-экономическому развитию. Эта самостоятельность проявляется прежде всего в отсутствии прямого следования культурно-исторического процесса социально-экономическому. Периоды взлета в развитии философии, искусства, морали могут не совпадать с подобными процессами в экономике и политике¹⁰. Анализируя историю культуры, исследователи видят огромную созидательную роль традиций в развитии культурных ценностей. Традиции первобытного мировосприятия, представленные в фольклоре, пластике, графике, дали как материал, так и формы для построения новых мыслительных моделей античности¹¹ и

средневековья¹². Традиции античной культуры в свою очередь возрождались и каждый раз по-новому трансформировались, питая европейские культуры от эпохи эллинизма до наших дней¹³. Через ряд формаций проходят, сохраняя свою ценность, язык, религии, этнические традиции, великие произведения искусства, литературы, архитектуры. В свое время К. Маркс обратил внимание на необходимость объяснения этой загадки культуры: «Трудность заключается не в том, чтобы понять, что греческое искусство и эпос связаны с известными формами общественного развития. Трудность состоит в том, что они еще продолжают доставлять нам художественное наслаждение и в известном отношении служить нормой и недостижимым образцом»¹⁴.

Итак, наличествуя во всех социальных явлениях всех эпох и имея системный характер, феномен культуры тем не менее не находит объяснения в теории общественно-экономической формации. Более того, в отличие от формационных характеристик, подчеркивающих дискретный характер развития общества, процессам культуры свойственны традиционность, преемственность развития. Подобные явления могут быть объяснены тем, что культура общества представляет собой некую целостность, развивающуюся по своим законам.

Идея культуры как целостного образования не нова, своими корнями она уходит в философские и этнологические исследования XVIII—XIX вв. Сложность состоит в выявлении оснований для соотнесения культуры как целостности с другими социальными образованиями, также имеющими целостный характер. Такие основания дает системный подход к обществу как *многомерной системе*.

Используя этот подход, А. Я. Гуревич рассматривает культуру и социум «в качестве двух ипостасей единой функционирующей, саморегулирующейся и самоизменяющейся системы»¹⁵. В исследованиях Э. С. Маркаряна разворачивается тезис о многомерной модели общества и представление о культуре как об одном из ее измерений наряду с формационным¹⁶.

Подход к обществу как многомерной системе представляет весьма перспективным. В рефлексии о культуре мы будем исходить из того, что любое конкретно-историческое общество есть многомерная система, содержащая ряд измерений: формационное, культурное, популяционно-этническое, экологическое. Отсюда следует, что понять исторические процессы можно лишь изучая как специфику каждого измерения, среза, ипостаси, так и их взаимную связь.

Ввиду многозначности понятия «актуальная культура» необходимо определить смысл, который вкладывается в него в данной работе. Термин используется для обозначения альтернативы живой, действующей культуры поколения конкретно-исторического общества культурному слою или остаткам и следам актуальной культуры. Последние могут намеренно сохраняться в

эпоху цивилизации в музеях, библиотеках, архивах в качестве культурного наследия. Могут по объективным законам отмирания культуры откладываться в пласты языка, традиций, в слои земли. При этом отмирание различных форм культуры — вещных, художественных, языковых, поведенческих — происходит различными темпами и в каждой предметной области по своим законам.

Логика развития конкретных исторических дисциплин ведет к тому, что при исторических реконструкциях историк, работающий с письменными источниками, вынужден обращаться к данным археологии, языка, этнографии и фольклора¹⁷, археолог — антропологии, языка, этнографии¹⁸, а языковед — археологии, антропологии, этнографии¹⁹. Однако интуитивное наложение текстов этнографии и фольклора на археологические материалы и наоборот — уже никого не убеждает. В концепции культуры должны найти объяснение различные функциональные назначения и взаимная связь в живой актуальной культуре тех ее компонентов, которые в ходе исторического процесса отложились в культурный слой и в познавательной деятельности историков, этнографов, археологов, языковедов, исследователей фольклора приняли форму различных исторических источников.

Итак, с одной стороны, человек и живая актуальная культура, состав и функции которой весьма различны у разных исследователей²⁰, с другой стороны, остатки человеческой деятельности в виде культурных слоев, сохранившихся от предметно-вещного мира, воплощенного в языково-понятийных и предметно-вещных формах. Соединение самых общих категорий и конкретно-исторических понятий возможно лишь в процессе восхождения от абстрактного к конкретно-теоретическому. Содержательной основой такого восхождения представляется принцип предметно-практической деятельности.

В конце 60-х гг. в ходе изучения отечественными философами всего наследия К. Маркса происходит выведение из его работ принципа предметно-практической деятельности или, иначе, принципа деятельностной сущности человека и обоснование первого уровня движения от абстрактного к конкретному. Это было определение самых общих и существенных связей человека и предметного мира его бытия. В соответствии с идеями Г. С. Батищева, О. Г. Дробницкого, М. К. Мамардашвили, Э. В. Бесчеревных, А. П. Огурцова их можно изложить в виде ряда узловых пунктов рефлексии.

Человеческая деятельность предметна. Предметность — всеобщий и единственный первоисточник активности, творческой силы человеческого деяния. Предметная деятельность — это строительство культуры как единство и тождество освоения и творчества. Предметный мир человека есть мир его культуры²¹.

Общественная история в конечном итоге не имеет иного смысла, кроме развития «сущностных сил» самих человеческих

индивидов. Общественный прогресс «измеряется» и подлинным образом оценивается через индивидуальное развитие человека в его деятельности ²².

Связь и движение категорий «человек», «деятельность», «предметный мир», «сущностные силы человека» могут быть поняты через диалектику распредмечивания и опредмечивания. Под распредмечиванием понимается «перевод» природы и предметных форм культуры на язык живых сущностных сил субъекта и вырашивание этих сил из предметных форм культуры. В ходе распредмечивания формируются, развиваются сущностные силы, логика предмета превращается в логику действия человеческих способностей, предметные формы культуры — в содержание форм общения индивидов друг с другом. Опредмечивание есть создание человеком предметного мира своей культуры ²³, утверждение в нем своей субъективности (сущностных сил), закрепление в предмете логики своих действий.

Представление общественной формы движения в виде постоянного превращения субъективных возможностей (сущностных сил человека) в свойства предмета и обратно, позволяет установить *природу предмета* как концентрата, зеркала, кристаллизации деятельных способностей человека ²⁴. На этом первый виток рефлексии завершается. Данный уровень рассуждений в самых общих чертах в последующие годы воспроизводился в работах многих философов и культурологов ²⁵ как нечто само собой разумеющееся.

Вместе с тем в работах Г. С. Батищева, О. Г. Дробницкого, М. К. Мамардашвили был намечен переход на следующий уровень рефлексии — уровень выявления специфики распредмечивания и опредмечивания сущностных сил человека в различных сферах деятельности и вытекающее из этого различие формы и содержания предмета. У Г. С. Батищева это *реальные, знаковые и символические* формы предмета, поддающиеся распредмечиванию и опредмечиванию лишь в их единстве с идеальными значениями ²⁶. В работе О. Г. Дробницкого реальная предметная форма названа своим именем — *вещная форма*. При этом в вещной форме может быть выражен результат не только материально-технической деятельности, но и идеальный предмет — результат научного труда или деятельности художника ²⁷. Позднее в монографии «Понятие морали» О. Г. Дробницкий определил *институциональную форму* как предметное бытие организации и регуляции действий индивидов ²⁸. Расшифровав «запутанный и теологизированный» язык рефлексий Гегеля, М. К. Мамардашвили показал, что «все элементы и свойства знания пронизаны системными связями деятельности, создающей ту «кристаллическую решетку» объективаций, всеобщих форм и конституций, рядов и уровней обобщенных мысленных содержаний, проходя через которую исходный материал науки и получает свойства и структуру логического теоретического знания» ²⁹. Узлы этой

решетки составляют всеобщие идеальные предметности, которые закрепляются языковыми материальными средствами. Отражая действительность, исторически развивающиеся языковые формы и схемы мышления являются средствами познания действительности и средствами коммуникации на всех уровнях от обыденного до научного.

Наряду с вербальной, понятийно-словесной предметной формой мышления психологи и философы 70—80-х гг. обосновывают наличие визуального или пространственно-образного мышления как синтеза чувственного и логического. Его назначение — связь между абстрактным мышлением и практикой. Обладая структурным соответствием с оригиналом, наглядные образы предметно представлены в планах, чертежах, диаграммах, графиках и пр. Они являются схемой действия с объектом, схемой его репродуцирования или творческого преобразования³⁰.

Итак первый уровень движения мысли от абстрактного к конкретному под углом зрения предметно-деятельностного подхода позволяет установить природу культуры как предметный мир бытия человека, воплотившего сущностные силы предшествующих и живущих поколений. История культуры предстает как диалектический процесс становления сил и способностей человека культурой и деятельностью претворения этих сущностных сил в предметный мир культуры.

Второй уровень философствования выявляет различные формы предметного бытия культуры: вещную, институционную, языково-понятийную, знаково-символическую, визуальную.

Дальнейшая развертка абстракций должна осуществляться на стыке философской и конкретно-научной методологии таких наук, как археология, этнография, языкознание, фольклористика, искусствоведение. В ряде работ мы попытались именно в этом ключе изложить теоретические посылы археологии как основания для систематизации и объяснения археологических фактов, а также воссоздания по ним исторических процессов³¹. Однако в предложенной нами концепции предметно-вещного мира не рассматривается понятие «археологическая культура». Изложенное ранее представление об археологической культуре как модели возникновения, развития и изменения вещной среды конкретно-исторической общности прошлого теперь представляется недостаточным³².

Одна из ведущих идей концепции предметно-вещного мира состоит в том, что в мире отражена историческая действительность через механизм формообразования. В форме, составе, свойствах вещи воплощены сущностные силы ее творца: потребности, способности, знания, чувства, умение. Любопытно, что эта идея на определенном уровне осознавалась и самими создателями вещей. Так, по представлению нганасан, «чем больше человек прожил, тем больше частиц своей жизни он оставил на земле среди других людей и вещей... в каждой из таких частиц чело-

век оставляет себя целиком, вместе со всем, что ему присуще»³³. Такое понимание вещи раскрывает для исследователя, по крайней мере, познавательные возможности. Во-первых, законы формообразования вещи есть те ориентиры, по которым можно определить существенные свойства для ее дальнейшего типологического анализа. Во-вторых, если учесть, что реализация сущностных сил человека осуществляется не только при формировании одной вещи, но и при создании таких целостных и сложных образований, как жилище и его интерьер, поселок и т. д., то можно прийти к выводу, что морфологические признаки вещного мира несут большой заряд исторической информации о человеке конкретно-исторической общности, составе его потребностей, объеме и уровне знаний, степени развития способностей и навыков, социальных чувств и художественного вкуса.

Исследователями семиотического направления установлено, что вещь наряду с утилитарной несет еще и знаковую нагрузку³⁴. Двойственная природа вещи в свою очередь открывает возможности исторических реконструкций в двух направлениях. Первое вытекает из концепции предметно-вещного мира, где вещный мир понимается как компонент культурного (предметного) среза любой конкретно-исторической общности. Его место в актуальной культуре определяется через роль в различных сферах производства и жилой среде, где он составляет условие и способ организации пространственно-временного бытия человека. Второе направление разработано в семиотическом подходе. В актуальной культуре вещный компонент взаимосвязан с языково-понятийными, социально-нормативными, художественно-образными и символическими предметными формами, представляющими собой «набор систем, моделирующих мир теми средствами, которые в них заложены»³⁵. При реализации этих двух направлений важны не только и не столько вещи, сколько их взаиморасположение в культурном слое. Пространственно-временной континуум, определяемый логикой конкретной сферы деятельности — изготовления орудий, охоты, строительства жилища и пр., — будет определенным образом коррелироваться и объясняться пространственно-временным континуумом мифологической картины мира конкретно-исторической общности.

Нам представляется, что семиотический и предметно-вещный подходы не противоречат друг другу. Более того, на наш взгляд, природа знаков и значений может быть понята лишь в русле предметно-деятельностного принципа³⁶.

Сопоставляя актуальную культуру прошлого и археологическую культуру, воссоздаваемую археологом по ее вещественным остаткам и следам, мы приходим к выводу о том, что археологическая культура — это модель актуальной культуры конкретно-исторической общности прошлого.

- ¹ См.: Бочкарев В. С. К вопросу о системе основных понятий // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л., 1975. С. 35—36.
- ² См.: Типы в культуре. Л., 1979.
- ³ Об этом см.: Массон В. М. Первые цивилизации. Л., 1989. С. 13—15.
- ⁴ См.: Захарук Ю. Н. Археологическая культура: Категория онтологическая или гносеологическая? // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976. С. 3—4.
- ⁵ Генинг В. Ф. Проблемные ситуации и научные революции в археологии // Проблемная ситуация в современной археологии. Киев, 1988. С. 72.
- ⁶ См.: Захарук Ю. Н. К вопросу о предмете и процедуре археологического исследования // Предмет и объект археологии... С. 5.
- ⁷ См.: Давидович В. Е., Жданов Ю. А. Сущность культуры. Ростов н/Д., 1979; Злобин Н. С. Культура и общественный прогресс. М., 1980; Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука. М., 1983; Проблемы философии культуры. М., 1984.
- ⁸ См.: Спиркин А. Г. Человек, культура, традиция // Традиция в истории культуры. М., 1978. С. 7.
- ⁹ См.: Злобин Н. С. Культура и общественный прогресс. С. 88—89.
- ¹⁰ См.: Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. Л., 1986. С. 278—279.
- ¹¹ См.: Лосев А. Ф. Античная философия и общественно-исторические формации // Античность как тип культуры. М., 1988. С. 24.
- ¹² См.: Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 254.
- ¹³ См.: Традиции в истории культуры. М., 1978.
- ¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 736—737.
- ¹⁵ См.: Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 13.
- ¹⁶ См.: Маркарян Э. С. Соотношение формационных и локальных исторических типов культуры // Этнографические исследования развития культуры. М., 1985. С. 13.
- ¹⁷ См.: Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.
- ¹⁸ См.: Генинг В. Ф. Южное Приуралье в III—V вв. н.э.: Проблема этноса и его происхождения // Проблемы археологии и древней истории ургов. М., 1972.
- ¹⁹ См.: Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985.
- ²⁰ См.: Злобин Н. С. Культура и общественный прогресс. С. 9—39.
- ²¹ Батищев Г. С. Деятельностная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии. М., 1969. С. 89, 96.
- ²² См.: Там же. С. 93.
- ²³ См.: Там же. С. 98—100.
- ²⁴ См.: Дробницкий О. Г. Природа и границы сферы общественного бытия человека // Проблема человека в современной философии. М., 1969. С. 220.
- ²⁵ См.: Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Теория и история. М., 1981. С. 241; Культурная деятельность: Опыт социологического исследования. М., 1981. С. 9—24.
- ²⁶ См.: Батищев Г. С. Деятельностная сущность человека... С. 106.
- ²⁷ Дробницкий О. Г. Природа и границы... С. 225—229.
- ²⁸ См.: Он же. Понятие морали. М., 1974. С. 257.
- ²⁹ См.: Мамардашвили М. К. Формы и содержание мышления. М., 1968.
- ³⁰ См.: Славин А. В. Наглядный образ в структуре познания. М., 1971; Жуковский В. И., Пивоваров Д. В., Рахматуллин Р. Ю. Визуальное мышление в структуре научного познания. Красноярск, 1988.
- ³¹ См.: Викторова В. Д. Научный поиск в археологии. Свердловск, 1989; Викторова В. Д., Кемеров В. Е. Направленность исторической реконструкции как методологическая проблема. Свердловск, 1985.
- ³² См.: Викторова В. Д. Природа, содержание и функции категорий археологической науки // Вопросы археологии Приобья. Тюмень, 1979. С. 15.
- ³³ Грачева Г. Н. О методике изучения ранних представлений о человеке // СЭ. 1975. № 4. С. 54.

³⁴ Байбурин А. К. Некоторые вопросы изучения объектированных форм культуры: (К проблеме этнографического факта) // Памятники культуры народов Европы и европейской части СССР: Сб. Л., 1982. Т. 38.

³⁵ См.: Там же. С. 12—13.

³⁶ См.: Викторова В. Д. Научный поиск в археологии. С. 76—77. Пока что конкретные семиотические исследования дают ответы лишь на вопросы: как? каков механизм мифотворчества? Но не отвечают на вопросы: почему? и когда? См.: Топоров В. Н. Первобытные представления о мире // Очерки истории естественнонаучных знаний в древности. М., 1982.

Ю. Б. СЕРИКОВ
Нижнетагильский пединститут

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ МЕЗОЛИТА НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ

Первые материалы мезолитического времени найдены на Шигирском торфянике в процессе золотодобычи во второй половине XIX в. В руки ученых они попали в 1879 г. После этого Уральское общество любителей естествознания командировало на прииски многих исследователей с целью приобретения находок и выяснения условий их залегания. Первые работы на торфянике были проведены М. В. Малаховым в 1880—1882 гг. В 1887 г. на приисках побывали Д. Н. Анучин и Ф. А. Уваров. В 1900 и 1914 гг. широкие раскопки на разных памятниках торфяника проводил В. Я. Толмачев, который обобщил результаты своих исследований в труде «Древности Восточного Урала»¹.

До настоящего времени громадные коллекции с памятников Шигирского торфяника лежат «мертвым грузом» в музеях Ленинграда, Москвы, Свердловска. Также незаслуженно забыта сводная работа Толмачева. Поскольку все коллекции Шигирского торфяника получены путем сборов в процессе золотодобычи, вопрос об их культурной и хронологической принадлежности очень сложен. Первым, кто через много лет после В. Я. Толмачева попытался разобраться с шигирскими находками, был П. А. Дмитриев. В ряде своих работ он рассмотрел и проанализировал коллекции Шигирского торфяника², а в результате выделил шигирскую культуру³. Она охватывала небольшой промежуток времени — XIII—VIII вв. до н. э. — и объединяла разновременные памятники. Уже А. Я. Брюсов в комментариях к работам П. А. Дмитриева указывал на смешанность ее комплекса. Так, игловидные наконечники стрел, наконечники с биконической головкой, вкладышевые орудия и некоторые виды гарпунов А. Я. Брюсов относил к более раннему времени⁴ — раннему неолиту⁵.

Первой связала шигирские костяные изделия с эпохой мезолита В. М. Раушенбах. Она разделила все шигирские изделия из кости. Распределение было проведено на основании различия